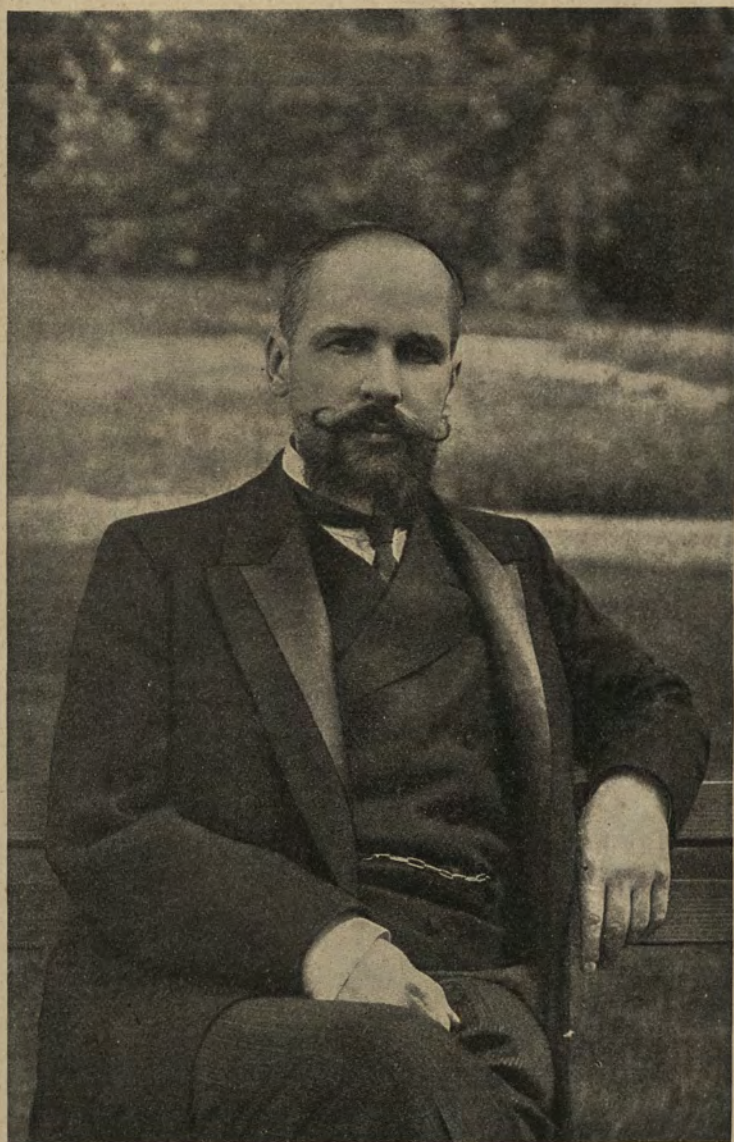

Петръ Аркадьевичъ
СТОЛЫПИНЪ.

ПЕТРЪ АРКАДЬЕВИЧЪ СТОЛЫПИНЪ.

ОССПО постигъ новый жестокий ударъ: палъ отъ руки убійцы выдающійся ея сынъ, къ личности котораго прикованы были столькіе взоры, образъ котораго возбуждалъ такіа теплыя чувства, имя котораго было символомъ патріотизма и доблестнаго служенія родной землѣ. 1-го сентября, въ Кіевѣ, во время торжественнаго спектакля въ городскомъ театрѣ охранникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонеръ Богровъ произвелъ въ предсѣдателя совѣта министровъ Петра Аркадьевича Столыпина въ упоръ два выстрѣла изъ револьвера, смертельно его ранилъ, послѣ чего первый сановникъ нашего государства былъ отвезенъ въ больницу, гдѣ ему оказана была тщательная медицинская помощь. Но какъ ни хлопотали врачи около раненаго, помощь эта оказалось безсильною и Петръ Аркадьевичъ послѣ пяти дней борьбы организма за жизнь отошелъ въ страшныхъ мученіяхъ въ вѣчность, вполнѣ сознавая наступленіе своего печальнаго конца. На небосклонѣ русской жизни закатилась блестящая звѣзда, свѣтившая намъ въ теченіе почти пяти лѣтъ ровнымъ красивымъ свѣтомъ и возбуждавшая во всѣхъ, не ослѣпленныхъ и намѣренно не видящихъ, лучшія чувства признательности за то животворящее начало, которое изъ этого свѣта разливалось по лону родной земли. Отсюда печаль, охватившая широкіе слои населенія, когда до нихъ достигла роковая вѣсть о трагедіи, разыгравшейся 1-го сентября въ Кіевѣ, на глазахъ массы людей съ ея верховнымъ вождемъ во главѣ. Какъ-то не хотѣлось вѣрить, чтобы эта трагедія дѣйствительно имѣла мѣсто, чтобы развязка ея была столь печальна и чтобы

пострадавшимъ лицомъ былъ именно тотъ, передъ которымъ разстилался столь широкій и славный путь служенія родинѣ, гдѣ ему суждено было, казалось, проявить еще столько силы своей богато одаренной природы. На фонѣ кроваваго зарева русской революціи 1905 года выдвинулась его фигура, изящная, благородная, мужественная и талантливая, и Россія съ радостью увидала, что она еще способна въ тяжелые дни своей исторической жизни выдвигать на помощь ослабѣвшей и поникшей силами государственной власти даровитыхъ и любящихъ родину сыновъ, любящихъ не отвлеченною космополитическою любовью, съ элементомъ въ ней доктринерской разсудочности, а тѣмъ искреннимъ, бодрымъ и всепоглощающимъ чувствомъ, которое свойственно только роднымъ по крови. И вотъ въ опасную минуту тяжкой революціонной болѣзни этотъ родной по крови мужественно сталъ лицомъ къ лицу съ опасностью и напрягъ всѣ силы на борьбу за здоровье, благоденствіе и спасеніе своей родины отъ разѣдающаго ее зла. Въ эту борьбу онъ вложилъ всю страстность своей національной любви, и вскорѣ мы увидѣли плоды дѣятельныхъ рукъ его, которыми онъ не только далеко отшвыривалъ обуглившіяся и обветшалыя части русскаго государственнаго зданія, но одновременно съ тѣмъ съ громадной энергіей и подъемомъ силъ спѣшилъ на мѣсто отбрасываемаго и уничтожаемаго возводить новое, соотвѣтствующее богатому творчеству вдохновенія, а главное соотвѣтствующее живымъ и насущнымъ запросамъ народной жизни. И вскорѣ еще недавній скромный губернаторъ отдаленныхъ провинцій превратился въ крупную историческую фигуру съ широкимъ волевымъ размахомъ, гдѣ уничтоженіе негоднаго стараго и созиданіе новаго шли объ руку и гдѣ ясно сказалась сила вѣры въ творимое и вѣры въ тѣхъ, ради кого оно творится. Россія увидала передъ собою государственнаго дѣятеля, громко и откровенно рѣшившагося исповѣдать свою глубокую, непоколебимую любовь къ родинѣ, искреннюю вѣру въ ея творческія силы, въ ея историческую жизненность, рѣшившагося бросить громкій призывъ къ сплоченію всѣхъ русскихъ людей во имя отечественнаго націонализма и русской народности и въ цѣляхъ отпора тѣмъ, кто такъ или иначе, пассивно или активно, несетъ съ собою посягательство на цѣлостность и самобытность родной земли. Эта исповѣдь, этотъ кличъ и призывъ пронеслись по всѣмъ концамъ нашей родины, какъ радостный благовѣсть, громко свидѣтельствующій, что ударилъ часъ русскаго воскресенія и что пора отъ унынія, сомнѣнія, доктринерства и лицемѣрія перейти къ живой работѣ во имя Россіи и русскаго народа, призванныхъ монаршею волею къ новой жизни, на основахъ манифеста 17 октября 1905 г. Столыпинъ сталъ во весь ростъ на исторической межѣ, отдѣлившей старое дореформенное отъ новаго пореформеннаго, и

принялъ на себя всю отвѣтственность за проведеніе въ жизнь началъ, коими Россіи предстояло креститься къ новой жизни, принялъ отвѣтственность съ искреннею вѣрою, что это крещеніе состоится, что Россія досрела до того и что ему суждено и онъ въ состояніи быть ея достойнымъ воспріемникомъ. Въ любопытной статьѣ Л. Тихомирова, посвященной памяти Петра Аркадьевича («Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 207), имѣется одно мѣсто, которое мы воспроизводимъ здѣсь и которое какъ нельзя лучше иллюстрируетъ сказанное нами выше. Онъ говоритъ, вспоминая моментъ появленія у кормила государственнаго управленія покойнаго министра:

«Думаю, что не случайно онъ попалъ, въ свое время, на первое мѣсто. Тогда на первомъ мѣстѣ могъ быть только онъ. Положеніе было слишкомъ непривлекательно и страшно. Дѣло, конечно, не въ опасности смерти. Многіе отдавали жизнь свою не менѣе беззаветно. Но страшна была самая трудность дѣла, отнимавшая надежду на успѣхъ. Въ этомъ отношеніи у Петра Аркадьевича были внутреннія опоры, которыхъ, *въ такой степени*, мнѣ кажется, не обнаруживалось у другихъ. Это—вѣра въ Бога и въ Россію. Это давало ему вѣру въ успѣхъ даже безъ отчетливаго представленія, въ чемъ онъ будетъ заключаться. Въ этомъ былъ, думаю, секретъ его увѣренности, которая давала шансы на успѣхъ сама по себѣ.

«У Петра Аркадьевича Столыпина были необычайно чуткіе русскіе инстинкты. Онъ, я прямо скажу, какъ истый человѣкъ интеллигенціи, не зналъ Россіи, особенно Великороссіи, но кровь предковъ громко говорила въ немъ. Онъ, по общинтеллигентскому несчастью, не зналъ православной вѣры, что порождало его ошибки въ церковной политикѣ. Но кровь предковъ громко говорила въ немъ, и его душа была глубоко русская и христіанская. Онъ такъ вѣрилъ въ Бога, какъ дай Господь вѣрить его служителямъ предъ алтаремъ... Онъ такъ вѣрилъ въ Россію, что въ этомъ предъ нимъ можно только преклоняться. И въ этой вѣрѣ онъ черпалъ огромную силу.

«Года три назадъ, послѣ одной моей долгой рѣчи, полной недоумѣній въ отношеніи его политики, онъ отвѣтилъ: «Въ сущности ваши слова сводятся къ вопросу, что такое я: великій ли человѣкъ, русскій Бисмаркъ, или жалкая бездарность, умѣющая только влачить день за днемъ?.. Вопросъ странный для меня... Что такое я—не знаю. Но я вѣрю въ Бога и знаю навѣрное, что все мнѣ предназначенное—я совершу, несмотря ни на какія препятствія, а чего не назначено—не сдѣлаю ни при какихъ ухищреніяхъ».

«Позднѣе, уже при послѣдней нашей встрѣчѣ въ этой жизни, 13 мая сего года, на мои доказательства того, что у насъ нѣтъ умиротворенія, и положеніе крайне обостряется, онъ сказалъ просто:

«Я вѣрю въ Россію. Если бы я не имѣлъ этой вѣры, я бы не въ состояніи былъ ничего дѣлать»...

«Для него—голосъ вѣры былъ аргументомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ можно устраивать триумфъ «за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества».

Оставляя спорныя частности этой характеристики въ сторонѣ, мы должны признать, что главный стержень мысли выставленъ здѣсь совершенно правильно. Бодрая вѣра въ Россію была тою чертой и характера и дѣятельности Петра Аркадьевича, которая доминировала у него надъ всѣми прочими и эта-то громко и отчетливо исповѣданная вѣра, какъ это ни странно, именно поразила соотечественниковъ, привлекла ихъ вниманіе въ смѣлому исповѣднику и побудила слить съ нимъ свои чувства, которыя они, за весьма немногими исключеніями, не рѣшались при тогдашней обстановкѣ проявлять. Столыпинъ далъ своею вѣрою и исповѣданіемъ ея выходъ этимъ чувствамъ, сконцентрировалъ ихъ въ себѣ и такимъ образомъ во взаимоотношеніяхъ власти и народа явилъ собою тотъ необходимый и желанный историческій типъ, который былъ именно нуженъ, дабы Россія не ушла ни въ попятное прошлое, ни въ фантастическую лукавую высь, куда въ обѣ стороны тянули ее разныя партіи и гдѣ въ обоихъ случаяхъ ей грозили новыя нерадостныя испытанія и политическія невзгоды.

Можетъ быть, въ его дѣятельности, которую ниже мы въ краткихъ чертахъ постараемся фактически очертить, были извѣстные уклоны, гдѣ не всегда начало сходилось съ концомъ, можетъ быть, порою онъ вынуждаемъ былъ, имѣя въ виду конечную цѣль, поступаться тѣми или иными деталями, можетъ быть, за нимъ и были даже нѣкоторые промахи, какъ о томъ нынѣ громко и побѣдоносно стараются намъ разъяснить его враги, можетъ быть, все это было—можетъ быть, но главное остается налицо: его историзмъ, какъ личности и какъ государственнаго дѣятеля, который и перейдетъ во вѣки вѣковъ въ будущія лѣтописи нашей обновленной жизни. Этотъ историзмъ былъ напоенъ вѣрою, воодушевленіемъ и исповѣданіемъ, а потому онъ и можетъ быть разсматриваемъ какъ истинный, соответствующій грядущимъ судьбамъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне націоналистическаго порядка! Его колоритность ясно сказалась на общемъ фонѣ жизни, въ сочетаніи съ прочими отечественными элементами, выросшими на почвѣ новой политической жизни, которые его особенно отгѣнили и тѣмъ самымъ приблизили къ чувствамъ, идеаламъ и помысламъ громадной массы коренного населенія, составляющаго главную суть русской государственности. Отсюда тотъ взрывъ горя и сожалѣнія, которыя такъ ярко сказались, когда вѣсть о кievской трагедіи 1-го сентября облетѣла Россію и когда русскіе люди ясно сознали, кого они потеряли

въ лицѣ Петра Аркадьевича Столыпина. Россіи за послѣдній періодъ времени пришлось не мало потерять видныхъ представителей власти, но со времени 1-го марта 1881 года, когда мученически опочилъ императоръ Александръ II, ни одна насильственная смерть не пронеслась надъ нами такою темною тучею, какъ именно кончина Петра Аркадьевича. Всѣ поняли, что случилось нѣчто очень важное, жестокое, непоправимое, что затуманилась опредѣленная историческая перспектива и жизнь страны окутала томительная неизвѣстность, гдѣ снова поставленъ рѣшительный вопросъ о достоинствѣ, мощи и націонализаціи Россіи. То, что только-что налаживалось, опять заколебалось, вступило въ область невѣдомаго и гадательнаго. Очевидно, историческая чаша родныхъ испытаній еще не допита до дна и мы стоимъ на порогѣ загадочныхъ событій, надъ которыми какъ бы витаетъ окровавленная тоскующая тѣнь дорогого усопшаго, зовущаго насъ къ единенію, родному братству и къ той вѣрѣ, которая помогала ему среди бури и непогоды быть бодрымъ кормчимъ русскаго государственнаго корабля.

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, существовавшаго уже въ XVI столѣтіи. По официальнымъ документамъ, родоначальникомъ Столыпиныхъ былъ Григорій Столыпинъ, жившій въ концѣ XVI столѣтія. Сынъ его Аѳанасій Григорьевичъ и внукъ Сильвестръ Аѳанасьевичъ пишутся муромскими городовыми дворянами. Послѣдній участвовалъ въ войнѣ съ Польшей, въ 1654—1655 годахъ, и за это получилъ въ вотчину помѣстье въ Муромскомъ уѣздѣ, около 300 четвертей. У внука Сильвестра Аѳанасьевича—Емельяна Семеновича, товарища воеводы Пензенской провинціи, были два сына: секундъ-майоръ Дмитрій Емельяновичъ и пензенскій губернский предводитель дворянства Алексѣй Емельяновичъ (род. въ 1748 г.; умеръ послѣ 1810 г.).

Отъ брака послѣдняго съ Маріей Аѳанасьевной Мещериновой было шесть сыновей: Александръ, бывшій адъютантомъ генералиссимуса Суворова; Аркадій, другъ Сперанскаго, женатый на дочери графа Николая Семеновича Мордвинова, Вѣрѣ Николаевнѣ, и умершій сенаторомъ въ 1825 году; рано умершій Петръ; Николай, генераль-лейтенантъ, растерзанный взбунтовавшейся толпою въ Севастополѣ, въ 1830 г.; Аѳанасій, бывшій саратовскій предводитель дворянства, и Дмитрій, генераль-майоръ (род. въ 1785 г., умеръ въ 1826 году), и пять дочерей, изъ которыхъ старшая Елизавета Алексѣевна была замужемъ за капитаномъ Преображенскаго полка Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ и имѣла дочь Марію, которая вышла замужъ за Юрія Петровича Лермонтова, отца нашего знаменитаго поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Генераль-майоръ Дмитрій Алексѣевичъ Столыпинъ былъ дѣдомъ Петра

Аркадьевича, родившагося въ 1862 г., отъ брака генерала-отъ-артиллеріи и генералъ-адъютанта, оберъ-камергера, севастопольскаго героя, Аркадія Дмитріевича съ княжною Наталією Михайловной Горчаковой. Родной братъ П. А. — Александръ Аркадьевичъ — извѣстный писатель-публицистъ.

Изъ всѣхъ братьевъ Дмитрія Алексѣевича только одинъ Аркадій Алексѣевичъ оставилъ послѣ себя наибольшее потомство: трехъ сыновей и трехъ дочерей. Его старшій сынъ — Николай Аркадьевичъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Карлеруэ (1854—1865), чрезвычайнымъ посланникомъ въ Вюртембергъ (1865—1871) и въ Нидерландахъ (1871—1884); а второй — Алексѣй Аркадьевичъ, лейбъ-гусарь, былъ другомъ М. Ю. Лермонтова, извѣстнымъ подъ прозвищемъ «Монго».

Изъ другихъ Столыпиныхъ извѣстны потомки младшаго сына Сильвестра Аѳанасьевича, Василия, и правнука послѣдняго, Григорія Даниловича, бывшаго пензенскаго губернскаго предводителя дворянства.

Гербъ рода Столыпиныхъ — «въ щитѣ, имѣющемъ въ верхней половинѣ красное поле, а въ нижней — голубое, изображенъ одноглавый серебряный орелъ, держащій въ правой лапѣ свившагося змѣя, а въ лѣвой — серебряную подкову, съ золотымъ крестомъ. Щитъ держатъ два единорога. Подъ щитомъ девизъ: «Deo spes mea». — Высочайше утверждёнъ и внесёнъ въ X часть «Общаго Гербовника».

Изъ этихъ геральдическихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ нами изъ специальной справки, приведенной въ «Новомъ Времени» (№ 12747) усматривается, каковы генеалогическіе корни рода Столыпиныхъ и насколько они тѣсно и глубоко связаны со всѣмъ историческимъ укладомъ русской земли. Согласно некрологическимъ даннымъ все той же газеты (№ 12746), Петръ Аркадьевичъ родился въ 1862 г., дѣтство провелъ въ имѣніи Средниково подъ Москвой. По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1884 г. онъ началъ свою служебную дѣятельность въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, черезъ два года причислился къ департаменту земледѣлія и сельской промышленности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ которомъ послѣдовательно занималъ различныя должности и особенно интересовался сельскохозяйственнымъ дѣломъ и землеустройствомъ. Затѣмъ перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ ковенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ ковенскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ и въ 1899 году былъ назначенъ ковенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Служба предводителемъ дворянства близко ознакомила П. А. съ мѣстными нуждами, завоевала ему симпатіи мѣстнаго населенія и дала админи-

стративный опытъ. Въ это время онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей по инсарскому и ковенскому судебнo-мировымъ округамъ. Въ 1902 г. покойному было поручено исправленіе должности гродненскаго губернатора, черезъ годъ онъ былъ назначенъ саратовскимъ губернаторомъ. Начало революціонной смуты ему пришлось провести въ должности губернатора въ Саратовѣ и принять рѣшительныя мѣры противъ революціонной пропаганды и особенно по прекращенію безпорядковъ въ Балашовскомъ уѣздѣ. Въ Саратовѣ же онъ принималъ живое участіе въ дѣятельности мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений. Мѣстный отдѣлъ попечительства государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ избралъ его въ свои почетные члены. Когда въ 1906 году совѣтъ министровъ во главѣ съ графомъ С. Ю. Витте вышелъ въ отставку и новый совѣтъ министровъ было поручено сформировать И. Л. Горемыкину, покойному былъ предложенъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Съ этого времени—26 апрѣля 1906 г.—П. А. являлся до дня своей кончины дѣятельнымъ руководителемъ министерства. Послѣ роспуска первой думы покойному всемилостивѣйше повелѣно быть 8 іюля 1906 г. предсѣдателемъ совѣта министровъ съ оставленіемъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Съ этого момента началась талантливая государственная дѣятельность Столыпина, направленная на умиротвореніе Россіи путемъ стойкой борьбы съ своеволіемъ и беззаконіемъ и путемъ разработки и проведенія въ жизнь новыхъ законовъ. Ставъ во главѣ совѣта министровъ, П. А. сумѣлъ вдохнуть въ дѣятельность совѣта единодушіе, возратить государственной власти поколебленный престижъ и укрѣпить его. Революціонныя партіи террористовъ не могли примириться съ назначеніемъ убѣжденного націоналиста и сторонника сильной государственной власти на постъ премьеръ-министра, и 12 августа 1906 г. произвели покушеніе на его жизнь взрывомъ министерской дачи на Аптекарьскомъ островѣ. Было убито 27, ранено 32 лица (въ ихъ числѣ тяжело пострадала дочь и раненъ малолѣтній сынъ Столыпина), но П. А. остался невредимымъ. Провидѣніе сохранило его жизнь, и покойный съ прежней энергіей и увлеченіемъ отдался всецѣло государственной дѣятельности. Горячій приверженецъ порядка и законности, онъ шелъ прямымъ путемъ къ скорѣйшему осуществленію новаго уклада государственнаго строя согласно высочайшимъ предначертаніямъ. Просвѣщенный политикъ, экономистъ и юристъ, крупный административный талантъ, онъ почти отказался отъ личной жизни и свою удивительную работоспособность, незнакомую съ утомленіемъ, вложилъ въ дѣло государственнаго успокоенія и строительства. Только лѣтомъ, и то на самое непродолжительное время, онъ позволялъ себѣ отдыхъ, уѣзжая преимущественно въ свое имѣнье, но и тамъ не переставалъ

давать направление правительственному механизму государства. Заболѣвъ весной 1909 г. крупнымъ воспаленіемъ легкихъ, онъ согласился покинуть Петербургъ только по настойчивымъ требованіямъ врачей и провель въ Крыму около мѣсяца. Наибольшее время П. А. посвящалъ руководителству и предсѣдательству въ совѣтъ министровъ, созывавшемся обычно не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, и въ разнаго рода совѣщаніяхъ по текущимъ дѣламъ и по вопросамъ законодательства. Засѣданія эти часто затягивались до утра. Утренніе доклады и дневные приемы чередовались у него съ личнымъ внимательнымъ просмотромъ текущихъ дѣлъ, просмотромъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и тщательнымъ изученіемъ новѣйшихъ книгъ, посвященныхъ особенно вопросамъ государственнаго права. Неоднократно онъ, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, выступалъ въ государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ защитникомъ правительственныхъ проектовъ. Онъ всегда являлся блестящимъ ораторомъ, говорилъ вдохновенно, сжато и дѣльно, развивая мастерски и ярко руководящія положенія законопроекта или давая отвѣты и объясненія по различного рода запросамъ о дѣйствіяхъ правительства. Въ 1909 г. покойный присутствовалъ при свиданіи Государя Императора съ германскимъ императоромъ въ финляндскихъ шхерахъ. Въ разное время онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи, ознакомился съ результатами землеустроительныхъ работъ и съ работами по хуторскому и отрубному разверстанію. Немало онъ приложилъ также стараній къ улучшенію водоснабженія въ Петербургѣ и къ прекращенію холерной эпидеміи. Государственные заслуги покойнаго были отмѣчены въ короткое время цѣлымъ рядомъ царскихъ наградъ. Помимо нѣсколькихъ высочайшихъ рескриптовъ съ выраженіемъ признательности, П. А. былъ пожалованъ въ 1906 г. въ гофмейстеры, 1-го января 1907 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ 1908 г. — статсъ-секретаремъ.

Какъ человекъ, покойный отличался прямотою, искренностью и самоотверженною преданностью государю и Россіи. Онъ былъ чуждъ гордости и кичливости благодаря исключительно рѣдкимъ качествамъ своей уравновѣшенной натуры. Онъ всегда относился съ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ и внимательно къ своимъ подчиненнымъ и ихъ нуждамъ. Врагъ всякихъ неясностей, подозрѣній и гипотезъ, онъ чуждался интриганства и интригановъ и мелкаго политиканства. По своимъ политическимъ взглядамъ П. А. не зависѣлъ отъ какихъ-либо партійныхъ давленій и притязаній. Твердость, настойчивость, находчивость и высокій патріотизмъ были присущи его честной, открытой натурѣ. П. А. особенно не терпѣлъ лжи, воровства, взяточничества и корысти и преслѣдовалъ ихъ безъ

пощадно; въ этомъ отношеніи онъ былъ горячій сторонникъ сенаторскихъ ревизій.

Покойный былъ женатъ на дочери почетнаго опекуна О. Б. Нейдгартъ, имѣлъ пять дочерей и сына.

Таковы достовѣрныя и правильно освѣщенные газетныя біографическія свѣдѣнія о почившемъ, позволяющія намъ обозрѣть общія черты его характера и жизненной дѣятельности сначала въ провинціи, а затѣмъ во главѣ правительственной власти. Обращаясь къ частностямъ, мы прежде всего должны отмѣтить тѣ необычныя условія, среди которыхъ такъ быстро и рельефно выступила на фонѣ русской жизни фигура недавняго саратовскаго губернатора, тогда еще мало знакомаго бюрократическому, свѣтскому и обществу Петербургу.

У всѣхъ въ памяти буйный составъ первой государственной думы съ ея «товарищескими выступленіями», знаменитымъ выборгскимъ воззваніемъ и полнымъ нежеланіемъ перейти отъ хлесткихъ и революціонныхъ рѣчей къ тому практическому дѣлу, ради котораго было призвано народное представительство и котораго такъ страстно ожидала отъ него застоявшаяся въ нужныхъ ей поступательныхъ реформахъ Россія. Съ перваго же дня засѣданія нашего молодого парламента можно было достаточно ясно убѣдиться, что онъ не пригоденъ къ той роли, которая ему была предназначена, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ непрерывныхъ столкновеній съ представителями власти его вынуждены были распустить. Слѣдующій составъ государственной думы пытался занять ту же позицію, что и дума перваго призыва, и странѣ угрожала опасность, что вся дѣятельность г.г. депутатовъ сведется къ систематической оппозиціи правительству, исключительной критикѣ и рѣзкимъ выступленіямъ, при каковой политикѣ дѣйствій совершенно парализовалась та программа, которая достаточно опредѣленно была высказана въ высочайшемъ манифестѣ по случаю роспуска первой думы. Здѣсь мы читаемъ: «Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ: Волею нашею призваны были къ строителству законодательному люди, избранные отъ населенія. Твердо уповаю на милость Божию, вѣря въ свѣтлое и великое будущее нашего народа, мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

«Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были нами крупныя преобразованія, и на первомъ мѣсто всегда стояла главнѣйшая забота наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныя облегченіемъ условій земельного труда. Ожиданіямъ нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ насъ мѣстныхъ властей,

къ указаніямъ намъ на несовершенства законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь нашею монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица думы къ населенію.

«Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

«Но пусть помнятъ наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію нашей царской волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и восстановленія мира въ нашемъ дорогомъ отечествѣ.

«Да возстановится же спокойствіе въ землѣ русской и да поможетъ намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ царственныхъ трудовъ нашихъ—поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложить, по призыву нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу думы.

«Мы же, распуская нынѣшній составъ государственной думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ указомъ нашимъ, правительствующему сенату 8-го сего іюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20-го февраля 1907 года.

«Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ разумъ русскаго народа мы будемъ ждать отъ новаго состава государственной думы осуществленія ожиданій нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

«Вѣрные сыны Россіи! Царь вашъ призываетъ васъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой родины. Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли русской».

На этотъ призывъ къ миру и дѣятельной работѣ депутаты второго призыва отвѣтили съ перваго же засѣданія выступленіями по примѣру своихъ недавнихъ предшественниковъ. Когда П. А.

Столыпинъ, облеченный къ тому времени властью предсѣдателя совѣта министровъ, прочелъ свою декларацію въ засѣданіи 6-го марта 1907 г., ему посыпались возраженія и сдѣлана была попытка подорвать авторитетъ правительства. Вотъ на эти-то попытки и отвѣтилъ. Столыпинъ своею знаменитою, отнынѣ историческою, рѣчью, которая сразу очертила его боевую, наступательную на революцію позицію и создала изъ него тотъ оплотъ силы, власти и законности, которыя до того отсутствовали и которыя возвращали правительству его авторитетъ въ населеніи. Этою рѣчью онъ сразу поднялся надъ всею думою и явилъ собою того истиннаго «богатыря мысли и дѣла», о которомъ упомянуто въ манифестѣ.

Столыпинъ сказалъ слѣдующее:

«Господа, я не предполагалъ выступать вторично предъ государственной думой, но тотъ оборотъ, который приняли пренія, заставляють меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ государственной думѣ будетъ держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ. Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы. Я имъ пользоваться не буду.

«Возвращаюсь къ законности. Я долженъ заявить, что о каждомъ нарушеніи ея, о каждомъ случаѣ, не соотвѣтствующемъ ей, правительство обязано будетъ громко заявить: это его долгъ передъ думой и страной. Въ настоящее время я утверждаю, что государственной думѣ волею монарха не дано право выраженія правительству неодобренія, порицанія или недовѣрія. Это не значить, что правительство бѣжитъ отъ отвѣтственности. Безуміемъ было бы предполагать, что люди, которымъ вручена была власть во время великаго историческаго перелома, во время неустройства всѣхъ законодательныхъ государственныхъ устоевъ, чтобы люди, сознающіе всю тяжесть возложенной на нихъ задачи, не сознавали тяжести взятой на себя отвѣтственности. Но надо помнить, что въ то время, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, отъ царской резиденціи, волновался Кронштадтъ, когда измѣна ворвалась въ Свеаборгъ, когда пылалъ Прибалтійскій край, когда революціонная волна разлилась въ Польшѣ и на Кавказѣ, когда остановилась вся дѣятельность въ южномъ промышленномъ районѣ, когда распространились крестьянскіе беспорядки, когда началъ царить ужасъ и терроръ, правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забыть, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа, или дѣйствовать и отстоять то, что было ей ввѣрено. Но, господа, принимая второе рѣшеніе,

правительство роковымъ образомъ навлекало на себя и обвиненіе. Ударяя по революціи, правительство, несомнѣнно, не могло не задѣть частныхъ интересовъ. Въ то время правительство задалось цѣлью—сохранить тѣ завѣты, тѣ устои, начала которыхъ были положены въ основу реформъ императора Николая II. Борясь исключительными средствами и въ исключительное время, правительство ввело и привело страну во вторую думу. Я долженъ заявить и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія, что тутъ, волею монарха, нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, что эти скамьи (показываетъ на мѣста министровъ) не скамьи подсудимыхъ—это мѣсто правительства.

«За наши дѣйствія въ эту историческую минуту, дѣйствія, которыя должны вести не ко взаимной борьбѣ, а къ благу нашей родины, мы точно такъ же, какъ и всѣ, дадимъ отвѣтъ передъ исторіей. Я убѣжденъ, что та часть государственной думы, которая желаетъ работать, которая желаетъ вести народъ къ просвѣщенію, желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ, сумѣетъ провести тутъ свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства. Я скажу даже болѣе, я скажу, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого-либо неустройства, какихъ-либо злоупотребленій.

«Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, центръ тяжести, центръ власти лежитъ не въ установленіяхъ, а въ людяхъ. Людямъ, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачаемы, пусть они будутъ судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе; эти нападки разсчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли, и мысли. Всѣ онѣ сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: «руки вверхъ». На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты, можетъ отвѣтить только двумя словами: не запугаете».

Эта историческая рѣчь создала сразу имя Столыпину, и фраза «не запугаете» была тѣмъ сигналомъ, которымъ было объявлено населенію, что наступилъ конецъ параличнаго состоянія государственной власти, что она возвращается къ своей отвѣтственной обязанности и готова безъ страха и трепета встрѣтить натискъ внутреннихъ враговъ. Гипнозъ страха, малодушія и слабости отнынѣ какъ бы покинулъ стоявшихъ у кормила русскаго государственнаго корабля, и явился лишь вопросъ, каковъ будетъ курсъ этого корабля и поскольку кормчій будетъ въ силахъ и состояніи твердо держаться намѣченнаго курса. Какъ и можно было ожидать,

вторая государственная дума, поставившая себя, по словамъ нѣкоторыхъ ея представителей, главною задачей «осаду власти», не могла и по существу этой задачи, и по методамъ ея выполненія, удовлетворить требованіямъ премьеръ-министра: работа законодательная въ ней не подвигалась, и она утопала въ словоизверженіяхъ извѣстнаго пошиба, доставшихся ей по наслѣдію отъ ея предшественницы. Оказалась она въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ родственною и съ революціонными элементами населенія. Роспускъ ея совершился, а дабы и третья дума не оказалась въ законодательномъ противодѣйствіи правительству, по инициативѣ Петра Аркадьевича, выборный законъ былъ измѣненъ въ смыслѣ дачи большаго значенія элементамъ сословнымъ и національнымъ, благодаря чему депутаты являлись какъ бы болѣе отвѣтственными передъ посланными ихъ и дабы послѣднимъ былъ облегченъ правильный способъ избирательства болѣе сознательныхъ элементовъ въ думу. Этимъ закономъ Столыпинъ создалъ третью думу, съ которой, хотя и не безъ нѣкоторыхъ треній порою, ему и удалось провести законные циклы сессій. Если на первыхъ порахъ главною опорою ему въ нужныхъ ему думскихъ работахъ и настроеніяхъ служила партія «октябристовъ», то въ дальнѣйшемъ ему пришлось нѣсколько разочароваться въ этой партіи и до извѣстной степени эволюционировать отъ нея вправо, къ партіи «націоналистовъ», за послѣднее время окрѣпшей и получившей особенное значеніе, въ виду ряда поднявшихся вопросовъ важнаго государственнаго порядка съ спеціальнымъ національнымъ характеромъ. Прослѣдить постепенность этой эволюціи и ея проявленія не представляется возможнымъ въ настоящей краткой статьѣ, отмѣтимъ лишь, что такого рода эволюція была до извѣстной степени естественной и законной, съ одной стороны, въ виду свойствъ общаго духовнаго облика П. А., съ другой, въ связи съ общимъ ходомъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ и отношеній къ нимъ партій. Какъ это сплошь и рядомъ наблюдается, практика жизни нѣсколько разошлась съ теоріей, и для государственнаго дѣятеля не представилось возможнымъ, въ интересахъ русской національной политики, жертвовать во имя теоріи насущными потребностями историческаго дня, какъ онѣ слагались изъ общей конъюнктуры сложныхъ политическихъ событій.

Если Столыпинъ сразу послѣ своей исторической рѣчи 6-го марта 1907 года завоевалъ симпатіи думскаго большинства, то съ теченіемъ времени эта симпатія — и общественная, и отчасти личная — стала какъ будто нѣсколько блѣднѣть и слабѣть. Это ослабленіе достигло значительныхъ размѣровъ къ началу текущаго года, и противъ него образовались своего рода непріязненные блоки, гдѣ въ трогательномъ единодушіи, достойномъ лучшей доли, сошлись элементы крайней правой и крайней лѣвой и даже съ участіемъ здѣсь еще

вчерашнихъ умѣренныхъ политическихъ друзей. Такого рода блоки образовались какъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца, такъ и дворца Маріинскаго, въ государственномъ совѣтѣ, этой нашей верхней палатѣ. Если оппозиція премьеръ-министру въ кругахъ государственной думы не могла вызывать особаго удивленія, то оппозиція верхней палаты достойна вниманія и тѣмъ болѣе, что исходила она изъ такого центра, откуда ее менѣе всего можно было ожидать. Оппозиція П. А. слѣва обосновывалась тѣми соображеніями, что онъ слишкомъ будто бы консервативенъ и націоналенъ, оппозиція справа находила его слишкомъ либеральнымъ, конституціоннымъ и уступчивымъ. Вотъ и извольте тутъ разобраться! Любопытное всего то, что противодѣйствіе, опирающееся на соображенія второй категоріи, какъ теперь выясняется, было не столько дѣйствіемъ политическаго порядка, сколько исходило изъ соображеній личной непріязни, на каковомъ чувствѣ сошлись какъ алчущіе власти, такъ и потерпѣвшіе крушеніе въ своей еще недавней блестящей карьерѣ. Въ походѣ противъ Столыпина немалую роль сыграли, между прочимъ, графъ С. Ю. Витте и П. Н. Дурново.

Въ первый разъ кампанія правыхъ противъ Столыпина должна была проявиться на преобразованіи русской миссіи при японскомъ правительствѣ въ посольство. Правые хотѣли подчеркнуть въ этомъ актѣ покушеніе «революціоннаго Столыпина» на прерогативы монарха, который долженъ былъ провести это помимо думы. Затѣмъ рѣшено было оставить этотъ поводъ и ожидать болѣе удобнаго случая. Случай нашелся въ штатахъ морскаго министерства. Когда эти штаты, пройдя черезъ думу и государственный совѣтъ, не удостоились высшаго утвержденія, Столыпинъ подалъ въ отставку. Третье столкновеніе Столыпина съ этой компаніей было въ вопросѣ о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ. Оппозиція въ стѣнахъ Маріинскаго дворца была поддерживаема союзомъ русскаго народа и дворянской организаціей, ставшими въ непріязненное отношеніе къ Петру Аркадьевичу за его нежеланіе признавать руководящее значеніе этихъ общественныхъ группъ и стремленіе вводить эти группы въ рамки законности, согласно началамъ, положеннымъ въ основу реформированнаго строя.

Мы не станемъ возстановлять здѣсь всей хроники недавнихъ событій и, если отмѣчаемъ ее здѣсь въ общихъ чертахъ, то чтобы показать, поскольку трудно было положеніе Петра Аркадьевича въ его борьбѣ на два фронта и въ особенности по отношенію справа, гдѣ каждый разъ пускались въ оборотъ такіа опасныя соображенія, какъ желаніе якобы главы совѣта министровъ умалить прерогативы верховной власти. Быть можетъ, въ силу именно такой опасности покойный сановникъ и вынуждаемъ былъ пускаться въ ходъ экстраординарныхъ мѣръ, безъ наличья которыхъ невозможно было отстаи-

вать государственныя мѣропріятія, неотложныя въ своемъ проведеніи.

Если оппозиція справа связывала въ значительной мѣрѣ ему руки въ борьбѣ за созданіе и упроченіе въ Россіи новаго строя, то немало палокъ въ его рабочія колеса было вставлено и слѣва, причемъ агитація его мѣропріятіямъ велась всегда чрезвычайно послѣдовательно, безостановочно и довольно даже искусно. Но если съ этой оппозиціей были въ его распоряженіи какъ никакъ средства борьбы, легко почерпаемые изъ особенностей его психики, индивидуальности и дарованія, то труднѣе дѣло было тамъ, гдѣ борьба не всегда зависѣла отъ него лично. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ не область думской и совѣтской борьбы, а область революціонную, которая не могла простить Столыпину его мужества, съ которымъ онъ гордо поднималъ брошенную правительству революціонную перчатку. Для революціи онъ былъ особенно опасенъ, опасенъ и своимъ мужествомъ, и той позиціею, которую онъ занялъ въ качествѣ представителя мирной русской прогрессивной эволюціи, въ нормахъ, преподанныхъ ему высочайшими манифестами. Онъ не лукавилъ съ послѣдними, не старался ихъ использовать по своему личному политическому усмотрѣнію, а дѣйствовалъ, какъ министр-реформаторъ, поставленный на свой постъ царемъ-реформаторомъ. Такого рода политика дѣйствій неминуемо должна была привести къ недалекому замиренію Россіи, приведенію ея въ политическую норму, а отсюда къ ея культурному росту, благополучію и мощи, что никогда не входило и не входитъ въ революціонныя программы, такъ какъ этимъ самымъ ихъ аннулируетъ, съ одной стороны, и, съ другой — не соответствуетъ интересамъ инородческимъ и иноземнымъ, играющимъ въ тѣхъ программахъ всегда, хотя и скрытую, видную роль. Революція, не желавшая сложить свое оружіе передъ Столыпинымъ и чувствуя въ немъ силу побѣдителя, направила свою рѣшительную дѣятельность противъ него лично, и вотъ послѣдовалъ извѣстный взрывъ его дачи на Аптекарскомъ островѣ, гдѣ оказались въ числѣ многихъ жертвъ взрыва пострадавшими его дочь и сынъ. Въ общей сложности убитыми оказалось 27 человекъ и 32 человекъ ранеными. Силою взрыва отъ брошенной бомбы разворочены были прихожая, дежурная комната и слѣдующая за нею пріемная, а также разрушенъ подъѣздъ, снесенъ балконъ второго этажа, опрокинуты выходящія въ садъ деревянныя стѣны перваго и второго этажей. Сила страшнаго взрыва была такова, что частями разрушенныхъ стѣнъ и выброшенныхъ изъ дома предметовъ мебелировки, а также мелкими осколками стекла, раздробленными почти въ крупу, была обсыпана вся набережная передъ дачей. Трупы убитыхъ, вырытые работавшими пожарными и солдатами, оказались большею частію съ оборван-

ными частями тѣла, многіе имѣли видъ безформеннаго мяса, безъ головъ, рукъ и ногъ. Мы еще свѣжо помнимъ обстоятельства этого покушенія, помнимъ общій взрывъ негодованія со стороны русскаго общества по адресу бомбистовъ и лукавую политику въ данномъ случаѣ всѣхъ «мирныхъ» лѣвыхъ группъ. Освѣщая эту политику, А. С. Суворинъ въ своемъ «Маленькомъ письмѣ» отъ 13 августа писалъ:

«Замѣчательно, что тотчасъ послѣ взрыва на дачѣ П. А. Столыпина лѣвая печать настойчиво стала говорить, что онъ уходитъ, что страданія его несчастныхъ дѣтей такъ подѣйствовали на его нервы, что онъ не можетъ заниматься болѣе дѣлами. И вотъ всѣ эти дни сердобольная лѣвая печать, надѣленная особенно чувствительнымъ сердцемъ, которое, какъ извѣстно, находится тоже на лѣвой сторонѣ, усердно дебатировать это предложеніе министру: «Уходите, пожалуйста. Благодарите Бога, что вы остались цѣлы, но уходите! Примите въ соображеніе, что убить хотѣли васъ. Васъ не убили, а потому сдѣлайте такъ, что васъ какъ бы убили. Вы доставите большое удовлетвореніе террористической партіи и всѣмъ тѣмъ, которые бомбъ въ руки не берутъ и жизнь свою берегутъ, но которые желаютъ, какъ евреи желали манны небесной, чтобы правительство испугалось до истерики старой дѣвы, до бреда сумасшедшаго, до трусости зайца. Понимаете, какъ это было бы великолѣпно! Всѣ вразсыпную и вы первый. Для васъ это нисколько не постыдно. Вы не убиты, но вы убиты горемъ, не только горемъ отца и семьянина, но и горемъ порядочнаго человѣка и честнаго министра, который не можетъ не жалѣть всѣхъ погибшихъ, которые пришли къ нему съ просьбою или служили ему. Васъ никто не осудитъ. Мы напишемъ превосходныя статьи о вашей отставкѣ. Мы скажемъ: «И Столыпинъ ушелъ. Онъ былъ недурной человѣкъ и даже, какъ министръ, подавалъ нѣкоторыя надежды, но ужасное событіе, направленное не въ него собственно, а въ него, какъ представителя правительства, такъ поразило его нервы... а можетъ быть—кто знаетъ?—такъ освѣтило его сознаніе, что онъ ушелъ. Онъ почувствовалъ полное свое безсиліе управлять безъ народа, безъ полновластныхъ представителей его, которые одни могутъ успокоить страну». И многое другое скажемъ. Но только уходите! Согласитесь, если вы не уйдете, то цѣль нашихъ политическихъ палачей не достигнута. Положимъ, число жертвъ очень велико. Это одно изъ самыхъ «грандіозныхъ» явленій и «нравственныхъ поученій» для правительства, но все же оно какъ бы не дѣйствительно. А если вы уйдете, то цѣль достигнута вполне. И ужасъ наведенъ, и вы, противъ котораго сами террористы ничего не могутъ сказать, ушли изъ дѣла».

«Конечно, не этими самыми словами, не совершенно этотъ смыслъ слышится въ этихъ настойчивыхъ слухахъ. Уходите и удовлетво-

рите военачальниковъ террора, который мы не одобряемъ, но противъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ, кромѣ послушанія. Въ самомъ дѣлѣ, даже одинъ опытный публицистъ говоритъ: «Противъ анархистовъ нѣтъ внѣшнихъ средствъ!» И говорить это съ такою же твердостью, съ каковою онъ предсказывалъ урожай тамъ, гдѣ слѣдовало неурожай, и неурожай тамъ, гдѣ слѣдовало урожай. Есть только внутреннія средства, и главное изъ нихъ послушаніе «голосу народа», ибо террористы—это «народъ», это его совѣсть и убѣжденіе. «Всѣхъ долой и все наше». Рецептъ очень простой для тѣхъ, которыхъ преслѣдуетъ терроръ: если взрывъ и убійство при конституціи—переходите немедленно къ парламентаризму, если взрывъ и убійство при парламентарной монархіи—провозглашаете республику, а если при республикѣ послѣдуютъ тѣ же явленія, то одно средство—соціалъ-демократія. Терроръ и рассчитываетъ такъ: Напугать правительство и общество и заставить ихъ шествовать ускореннымъ маршемъ къ цѣлямъ террористовъ. Всякая уступка есть расчистка пути для власти революціи. Эволюція—это презрѣнная маска, которую надѣваютъ на себя нѣкоторые; а на самомъ дѣлѣ борьба идетъ репрессіями со стороны революціонеровъ, и безъ нихъ революціонеры должны были бы смѣшаться съ либералами, т. е. употреблять только слова убѣжденія, а не бомбы. Идетъ война и *à la guerre comme à la guerre*. Церемониться нечего. Все пускаютъ въ ходъ: лицемѣріе, обманъ, ложь, шпіонство, клевету, взрывы, выстрѣлы. Конечно, и правительство можетъ отвѣчать тѣмъ же. Но вѣдь то самое оружіе, которое у революціонеровъ носитъ лозунгъ «освобожденія», «счастья родины», у правительства оно носитъ названіе палачества, разбойничества и подлости. Каждый арестъ и обыскъ—это гнусное насиліе, а каждая фабрика бомбъ—это храмъ народнаго счастья. Каждый убійца городского и въ особенности губернатора—герой, а каждый убійца убійцы городского—преступникъ и негодяй. Удивительно, какъ все это просто и какъ быстро воспринимается все это публикой, даже самой невинной въ политикѣ».

Событіе на Аптекарскомъ островѣ не привело къ результатамъ, намѣченнымъ революціонерами и косвенно ожидаемымъ лѣвыми группами. Столыпинъ остался невредимъ, проявилъ во все теченіе событія того дня удивительное благородное мужество и самообладаніе и, конечно, сохранилъ свою историческую служебную роль Россіи. На этотъ разъ у враговъ Столыпина дѣло не вышло, сорвалось, какъ срывались и всѣ прочіе на него натиски вплоть до катастрофы 1-го сентября текущаго года. Такимъ образомъ, мы видимъ нашего предсѣдателя совѣта министровъ на всемъ протяженіи его кипучей дѣятельности въ пользу обновленія и умиротворенія Россіи въ состояніи постоянного боевого напряженія и борющимся

и направо и налѣво, какъ силою своего удивительнаго ораторскаго таланта, такъ порою искусною мирною политикою, а въ другія поры-политикою рѣшительныхъ рѣзкихъ дѣйствій. При всѣхъ коллизіяхъ онъ сравнительно удачно выходитъ изъ трудныхъ положеній, но это требуетъ отъ него громаднаго напряженія силъ и непрерывнаго дѣловаго круговращенія, благодаря чему онъ и ставитъ все общество, всѣ законодательныя и исполнительныя учрежденія, всю Россію въ такое же вращеніе, какъ-то поспѣвая самолично входить всюду своимъ импульсомъ, своею инициативою и контролемъ. При этомъ общія основныя положенія его политики дѣйствій остаются неизмѣнными. Бесѣдуя съ однимъ представителемъ иностранной прессы, онъ такъ формулировалъ эту политику, насколько она отражается на современномъ положеніи Россіи:

«Всѣ заботы правительства направлены къ проведенію въ жизнь прогрессивныхъ реформъ. Неустанное развитіе городовъ идетъ объ руку съ экономическимъ подъемомъ сельской и деревенской жизни. Правительство содѣйствуетъ проникновенію въ сознаніе широкихъ народныхъ массъ той великой истины, что единственно въ трудѣ народъ можетъ обрѣсти спасеніе.

«Въ центрѣ заботъ правительства стоитъ преуспѣваніе института мелкой земельной собственности. Настоящій прогрессъ земледѣлія можетъ совершаться только въ условіяхъ личной земельной собственности, развивающей въ собственниковъ сознаніе какъ права, такъ и обязанностей? Наши усилія въ этомъ направленіи не пропадаютъ даромъ. Въ Россіи всѣ трудятся, и если въ Петербургѣ есть люди, немного занимающіеся политикою и критикующіе земельную политику правительства, то въ общемъ преобладаетъ настроеніе бодрого оптимизма и вѣры въ будущее. Земледѣлецъ, обладающій земельной собственностью, защитникъ порядка и опора общественнаго строя.

«Легко сказать: «дайте странѣ всѣ свободы». И я говорю: надо дать свободы, но при этомъ добавлю, что предварительно нужно создать гражданъ и сдѣлать народъ достойнымъ свободы, которыя Государь соизволилъ дать. Поэтому исполненіе моей программы, разсчитано на много лѣтъ. Я горячо вѣрю въ блестящую будущность Россіи. Впрочемъ, Россія и теперь велика, богата и сильна...»

Бесѣдуя съ редакторомъ саратовской газеты «Волга», Столыпинъ говоритъ: «Печати провинціальной и ея развитію я придаю особенное значеніе; задача ея—вѣрно и точно выражать настроеніе страны, ибо нѣкоторыя столичныя газеты слишкомъ много отдаютъ мѣста вопросамъ такъ называемой «высокой» политики и партійному политиканству, руководимому весьма часто закулисными интригами. Сколько времени, напримѣръ, было потрачено, да и до

сихъ] поръ тратится, на безплодные споры о томъ, самодержавіе у насъ или конституція. Какъ будто дѣло въ словахъ, какъ будто трудно понять, что манифестомъ 17-го октября съ высоты престола предуказано развитіе чисто-русскаго государственнаго устройства, отвѣчающаго историческимъ преданіямъ и народному духу. Государю Императору угодно было призвать народныхъ представителей себѣ въ сотрудники. Можно ли послѣ того говорить, что народное представительство что-либо «урвало» отъ царской власти?

«Еще укажу на одинъ недостатокъ большей части столичной печати: судя по ея газетнымъ статьямъ, можно подумать, что страна наша охвачена пессимизмомъ, общимъ угнетеніемъ, между тѣмъ я лично наблюдалъ, да и вы, думаю, можете подтвердить, что въ провинціи уже замѣчается значительный подъемъ бодрого настроенія, свидѣтельствующаго о томъ, что все въ Россіи начинаетъ понемногу втягиваться въ бодрую работу... Бодрый оптимизмъ, наблюдаемый въ нашей провинціи, совпадаетъ съ проведеніемъ въ жизнь земельной реформы. Я полагаю, что прежде всего надлежитъ создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкаго землевладѣльца, и когда эта задача будетъ осуществлена—гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва—гражданинъ, а потомъ—гражданственность. А у насъ обыкновенно проповѣдуютъ наоборотъ. Эта великая задача наша—созданіе крѣпкаго единоличнаго собственника, надежнѣйшаго оплота государственности и культуры—неуклонно проводится правительствомъ. До сихъ поръ у нашего стомилліоннаго крестьянства, зависимаго всегда отъ другихъ, была одна лишь карьера—карьера мужика-кулака. Теперь передъ нимъ открываются иные, болѣе свѣтлые горизонты. Становясь личнымъ собственникомъ, единоличнымъ кузнецомъ своего счастья, нашъ крестьянинъ получаетъ широкую возможность проявлять свою личную волю и свой личный починъ въ разумномъ устроеніи своей жизни, своего хозяйства... Итакъ, надо надѣяться, что понемногу, естественнымъ путемъ, безъ какого-либо принужденія, раскинется по Россіи сѣть мелкихъ и среднихъ единоличныхъ хозяйствъ. Вѣроятно, крупныя земельныя собственности нѣсколько сократятся, вокругъ нѣмнѣшнихъ помѣщичьихъ усадебъ начнутъ возникать многочисленныя среднія и мелкія культурныя хозяйства, столь необходимыя, какъ надежнѣйшій оплотъ государственности на мѣстахъ... Сейчасъ у насъ на очереди другая важная реформа. Я говорю о реформѣ мѣстной. Проектируемому правительственнымъ законопроектомъ институту уѣздныхъ начальниковъ приписываютъ стремленіе умалить авторитетъ уѣздныхъ предводителей. Это совершенно несправедливо. Исторически, традиціонно сложившаяся крупная мѣстная сила является авторитетомъ, который

правительству ломать не приходится. Задача заключается въ томъ, чтобы сумѣть скомбинировать съ этою мѣстной властью, остающеюся въ уѣздѣ первенствующею, власть довѣреннаго, уполномоченнаго правительственнаго лица. Наше мѣстное управленіе должно быть построено по той же схемѣ, какъ и во всѣхъ другихъ благоустроенныхъ государствахъ. Посмотрите на Францію и Германію. Вездѣ одно и то же. Внизу основой всего—самоуправляющаяся ячейка—сельская община, на которую возложены многія обязанности и государственныя, какъ-то: дѣла полицейскія, дѣла по воинской повинности и проч. Ни у одного государства нѣтъ матеріальныхъ средствъ, чтобы довести принципъ раздѣленія власти правительственной и общественной до самыхъ низовъ государства. Но уже въ уѣздахъ, вездѣ на Западѣ, мы видимъ подобное раздѣленіе. На ряду съ самоуправляющимися единицами во Франціи—правительственные супрефекты, въ Германіи—правительственные ландраты. Нѣчто аналогичное предстоить и въ Россіи...

«Новое земство, по правительственному законопроекту, должно перестать быть сословнымъ, но землевладѣльцы должны сохранить въ немъ свое вліяніе. Землевладѣлецъ—это крупная культурная сила въ великомъ дѣлѣ устроения государства. Напрасно опасаются, что, въ случаѣ принятія законопроекта, старые, испытанные земскіе работники, создавшіе въ теченіе сорока послѣднихъ лѣтъ нынѣшнее земство, будутъ затерты новыми лицами. Они будутъ ими не затерты, а подкрѣплены...

«Итакъ, на очереди главная наша задача—укрѣпить низы. Въ нихъ вся сила страны! Ихъ болѣе ста милліоновъ! Будутъ здоровые и крѣпкіе корни у государства, повѣрьте—и слова русскаго правительства совсѣмъ иначе зазвучать передъ Европой и передъ цѣлымъ міромъ. Дружная, общая, основанная на взаимномъ довѣріи работа—вотъ девизъ для всѣхъ насъ, русскихъ. Дайте государству двадцать лѣтъ покоя, внутренняго и внѣшняго, и вы не узнаете нынѣшней Россіи!»

Коснувшись въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей нашей внутренней политики въ ея карательныхъ частяхъ, онъ говорилъ: «Для благоразумнаго большинства наши внутреннія задачи должны быть и ясны, и просты. Къ сожалѣнію, достигать ихъ, идти къ нимъ приходится между бомбой и браунингомъ. Вся наша полицейская система, весь трудъ и сила, затрачиваемые на борьбу съ развѣдающей извой революціи,—конечно, не цѣль, а средство, средство дать возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что были попытки и въ законодательное учрежденіе бросать бомбы! А тамъ, гдѣ аргументъ—бомба, тамъ, конечно, естественный отвѣтъ—без-

пощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтоженіемъ кары, не облегченіемъ возможности дѣлать зло, а громадной внутренней работой. Вѣдь изнеможенное, изболѣвшееся народное дѣло требуетъ укрѣпленія; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это съ низовъ. И тогда, конечно, сами собою отпадутъ и исключительныя положенія, и исключительныя кары. Не думаете, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россію подкрасить румянами всевозможныхъ вольностей, и она станетъ здоровой. Путь къ исцѣленію Россіи указанъ съ высоты престола,—и на васъ лежитъ громадный трудъ выполнить эту задачу. Мы, правительство, мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство. Противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И лѣса эти неминуемо рухнуть и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть, пусть это случится тогда, когда изъ-за ихъ обломковъ будетъ уже видно, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ очертаніяхъ, зданіе обновленной, свободной,—свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія,—преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему государю Россіи, и время это, господа, наступаетъ, и оно наступитъ, несмотря ни на какія разоблаченія, такъ какъ на нашей сторонѣ не только сила, но на нашей сторонѣ и правда».

Изъ приведенныхъ рѣчей ясно обрисовываются общія начала внутренней политики покойнаго премьера, при осуществленіи которыхъ, онъ полагалъ, Россія станетъ крѣпкою и мощною. Мы могли бы привести немало отрывковъ изъ его многочисленныхъ рѣчей и начинаній, обнаруживающихъ его отношеніе къ тѣмъ или инымъ частностямъ этой политики, но это завело бы насъ слишкомъ далеко и превысило бы рамки краткаго поминального очерка. Во всѣхъ его этихъ рѣчахъ проглядывалъ бодрый взглядъ на будущее Россіи, которую онъ надѣялся видѣть реформированною въ предѣлахъ манифеста о свободахъ, но при этомъ онъ всегда предупреждалъ, какъ уже это выше мы подчеркнули, что идти къ этимъ реформамъ галопомъ, не утвердивъ ихъ въ ихъ основѣ и не создавъ для нихъ благопріятной обстановки, было бы громадною ошибкою. «На легкомъ тормозѣ—впередъ»,—вотъ его поступательный кличъ. Это «впередъ»—сердило правыхъ, наличие «тормоза»—энервировало «лѣвыхъ», стойкость, послѣдовательность и мужество—создавали къ нему ненависть революціонеровъ.

Нельзя не сознаться, что работа при такихъ условіяхъ была не изъ легкихъ, и можно только удивляться его всепоглощающей энергіи, которая позволила ему въ короткій пяти-

лѣтній срокъ его премьерства достигнуть такихъ значительныхъ относительно результатовъ, принимая при этомъ въ расчетъ нашу общую способность за все скоро и энергично браться и такъ же скоро остывать и переходить въ разслабленное состояніе бездѣятельности и знаменитаго авось». Столыпинъ ни этой бездѣятельности, ни этого «авось» не терпѣлъ и, горя самъ въ работѣ и кипя законопроектами, побуждалъ все окружающее, не исключая и нашихъ законосовѣщательныхъ учрежденій, работать не покладая рукъ и быть постоянно на чеку нуждъ Россіи.

Въ частности, отдавая все свои силы государству въ полномъ его масштабѣ, онъ находилъ еще время заботиться о второстепенныхъ сторонахъ русской жизни, если только онъ наблюдалъ, что здѣсь царитъ застой, который надо энергично устранить его личной энергіей. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія его дѣятельность на пользу Петербурга, его оздоровленія, упорядоченія его хозяйства, его благоустройства. Часто послѣ томительнаго дня напряженной работы онъ и въ ночное время, вмѣсто отдыха, выѣзжалъ изъ дома, чтобы осмотрѣть состояніе городскихъ ночлежныхъ домовъ.

«Кипя, волнуясь и спѣша», Петръ Аркадьевичъ, однако, ясно сознавалъ, что онъ—лицо, пожертвованное благу реформированной Россіи. Уходя изъ дому, онъ, по его словамъ, никогда не былъ увѣренъ, что вернется цѣль и невредимъ, и всегда чувствовалъ себя подъ Дамокловымъ мечомъ опасности. Вопросъ сводился только къ тому: когда и гдѣ пробьетъ его послѣдній часъ. День 12-го августа 1907 г. прошелъ для него лично благополучно, но четыре года спустя враги его справили свое торжество надъ нимъ. Нашелся убійца, который при непонятныхъ для насъ пока условіяхъ сумѣлъ прервать всею дорогою для насъ жизнь сановника-рыцаря и печальника Россіи. Убійцей этимъ оказался кievскій житель еврей Богровъ, состоявшій одновременно на послугахъ и революціи и охраны. Кто именно въ немъ говорилъ, когда онъ цѣлилъ свой револьверъ въ Петра Аркадьевича,—когда пишется настоящая статья, еще въ точности не выяснено. Элементы крайней правой и крайне лѣвой въ данномъ случаѣ символически слились воедино и свели свои счеты съ человѣкомъ, который имъ одинаково былъ ненавистенъ. Вся обстановка этого загадочнаго убійства глубоко возмутительна, кошмарна, и со временемъ, когда все обстоятельства дѣла болѣе выяснятся и обнаружатся, въ нашу исторію будетъ во всехъ подробностяхъ внесена кровавая страница, настоящее заглавіе который—«Позоръ Россіи». Искупить этотъ позоръ нелегко и сдѣлать это можно и должно не словами сожалѣнія, не плачемъ, ни даже постановкой

рукотворныхъ памятниковъ, а стремленіемъ твердо продолжать дѣло Столыпина обновленія Россіи и созданія изъ нея той мощной и счастливой державы, какою онъ наравнѣ со всѣми лучшими русскими людьми всегда желалъ ее видѣть. Пусть прекрасный образъ его, образъ «кузнеца-гражданина», ковавшего «безъ оглядки» русское народное счастье, свѣтитъ намъ въ этой работѣ, и лишь тогда съ чистой совѣстью мы будемъ въ состояніи, глядя на его могильный памятникъ, говорить:

Спи безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!

Ты много сдѣлалъ для своей отчизны, отдалъ себя, свою жизнь ей всецѣло, покрылъ труды свои своей алой кровью, и Россія тебя не забудетъ, отвѣдя тебѣ въ исторіи нашей общественности и государственности послѣдняго времени одно изъ первыхъ мѣстъ, украшенныхъ любовью и признательностью твоихъ современниковъ.

